Ничей ее монстр

Автор:
Ульяна Соболева

Ничей ее монстр

Ульяна Павловна Соболева

Монстр и Девочка #2

Любить монстра не просто страшно, любить монстра больно и смертельно опасно. Мой монстр сделал все, чтобы меня раздавить и опустить на самое дно… Убить физически и морально. Но за все приходится платить. Мне – за безумную и грязную любовь к чудовищу, а ему – за все его грехи. И я не знаю, чья расплата станет более лютой. Моя, когда есть только одна причина жить дальше… или его, когда не осталось ни одной, а вокруг глухое одиночество и вечный мрак. Заключительная часть дилогии.

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Мой Ад начался, и больше ему не было видно ни конца, ни края. Я не успокоилась. Я сходила с ума. От боли, от ревности, от ненужности и осознания своей убогости. Мне хотелось умереть. Я превратилась в комок страданий и ненависти. И все еще ждала, что он придет. Верила, что это не конец. Что все еще можно вернуть. Около месяца я из квартиры не выходила. Лежала часами на полу и смотрела в потолок, превращаясь в подобие человека. Мне было плохо и физически, и морально. Казалось, что меня просто раздавило, и я не могу собрать свои кости в единое целое.

Я взрослела с каждой секундой этой агонии, с каждым мгновением. Как по щелчку пальцев, я вдруг превратилась в вывернутую наизнанку и выпотрошенную игрушку. И самое отвратительное, что выпотрошил меня тот, в чьи руки я отдалась сама и исступленно целовала эти пальцы. Любила каждый из них… и люто ненавидела сейчас. Но кому я лгу, я еще была настолько ослеплена и больна, что я бы ему все простила, если бы вернулся. У первой любви нет гордости, она готова унижаться, стелиться по полу и кататься в грязи. Она умирает от боли и не умеет защищаться, она преданно подставляет вторую щеку, она тянет сломанные руки, чтобы их сломали еще раз, и плачет кровавыми слезами, умоляя дать ей шанс. Потом она окрепнет, восстанет из пепла, обрастет циничностью и опытом… если выживет. Я могла бы его простить и простила бы. Настолько слабая и ничтожная, маленькая влюбленная дурочка. Барский выкинул свою любимую игрушку и тут же нашел себе другую, при этом совершенно наплевав на ту, что оставил гнить в углу.

Но надежда не умерла, и я вспомнила его слова о возвращении домой. Наверное, у меня ведь есть еще шанс вернуться к нему. Когда буду рядом, когда будет видеть меня каждый день, а я его. Я взяла себя в руки и отодрала с пола. Постепенно привела в нормальный вид, даже съездила в универ, сходила в парикмахерскую и обновила гардероб. Что не изменилось, так это щедрость Захара. Он ни в чем не ограничивал мои расходы. Казалось, что моя кредитка просто резиновая.

Мне становилось легче от мысли, что, если все получится, он вернет меня в свой дом. А там у меня появится шанс. Я была готова на что угодно. Мне казалось, как и всем наивным девочкам, что я смогу снова соблазнить, снова увлечь. Мне бы только раз в его объятия, только раз в его руки и губы только раз на своих почувствовать.

Я ведь еще так долго не верила, что это конец, хотя все ведь было ясно даже ребенку, и боль, не прекращая, пульсировала в голове, разрывала виски. Это был самый первый удар от жизни прямо под дых и в самое сердце. У меня не просто почву из-под ног выбило. У меня мир отобрали. Мои розовые очки уже треснули и скоро повырезают мне глаза осколками.

И я вернулась. И нет, это не было так, как я себе нарисовала. Все было хуже. Я шагнула в океан пыток добровольно. По самое горло в кипящее масло. Видеть его жену, детей и его самого… Больнее всего оказалось увидеть Барского вживую, спустя столько времени. Сердце зашлось и задрожало в дикой агонии.

Все тело стало гранитным камнем, все нервы завибрировали. И я рассыпалась в крошево к его ногам, к начищенным туфлям. Он не знает, а я валяюсь там внизу и мысленно обнимаю его колени поломанными руками, умоляя сжалиться и дотронуться до меня. Теперь я знала, что такое боль. Настоящая и невыносимая. Эта тварь вгрызлась мне в сердце и раздирала его на части.

Никто и никогда не причинял мне столько боли, сколько причинил он в этот первый день нашей встречи. Когда стоял напротив меня и с равнодушным видом осмотрел с ног до головы своими ледяными волчьими глазами.

– Здравствуй, Есения.

Хлыстом по самому сердцу, и в голове пульсацией:

«Моя девочка, скучала по мне? Скажи, что ты моя девочка… я такой голодный на тебя».

А сейчас даже не верится, что его изогнутые чувственные губы шептали мне грязные нежности, ласкали мое тело. Он совершенно не изменился, только казался уставшим и… повзрослевшим. Мне даже почудилось, что на его висках больше седых волос, чем было раньше.

– Мы рады, что ты вернулась. Здесь тебе рады.

Посмотрел на часы и прошел мимо меня. Просто мимо, а я вою, я мысленно ору от отчаяния и тоски. Как же хочется вцепиться в его руки, в его плечи и отчаянно кричать «почему?». И ничего в его глазах не увидела. Пустые глаза. Как будто мертвые. И меня трясет от понимания, что он наслаждается этими моментами своего триумфа, сломал меня, уничтожил, как и обещал. И продолжает держать при себе. Конечно, я ведь должна помнить, почему я вообще здесь. Новое развлечение Барского – смотреть, как я буду умирать рядом с ним. И я умирала от того, что он сделал со мной, я рассыпалась в пепел.

Как же я верила, что между нами что-то особенное, верила в счастье и в любовь. Барский сожрал мои чувства, обглодал их и вышвырнул на помойку… так быстро. Так мучительно мимолетно. Надоела и стала неинтересна.

Но я еще не теряла надежду.

Я ждала его возвращения домой, стоя у окна. И дождавшись, выбегала вниз, чтобы просто увидеть и столкнуться на лестнице. Он холодно здоровался и проходил мимо. За столом даже не смотрел в мою сторону, а меня бомбило, меня подбрасывало, и я истерически делала ошибку за ошибкой. Те, что делают надоедливые маленькие дурочки.

Жизнь продолжается. Дни за днями монотонно и одинаково. А мне плохо и легче не становится. Мне кажется, я и физически разломана на куски. От слабости и постоянных слез кружится голова и скручивает в узел желудок.

Вокруг вечный праздник. Словно Барский решил отмечать каждый чих и разъезжать на всякие светские рауты и балы.

И я умираю под музыку в очередной раз. Вокруг шикарно одетые пустышки, вышколенные официанты. Антураж лицемерно-лживого веселья. И я вижу только одного мужчину. Он для меня умопомрачительно красив и сексуален. Вокруг него толпа женщин, прихлебателей, журналистов. Он улыбается своей надменной улыбкой и завораживает голубыми глазами. И эти женщины. Нескончаемые женщины со взглядами текущих сучек, облизывающихся на него. Роняющих слюни. И меня преследует мысль, что он каждый раз выбирает, кого из них отыметь. Прямо здесь на банкете. Потом мне кажется, что он уже с ними спал. И я схожу с ума, у меня разламывает виски. Он уходит куда-то, а я ревниво хочу бежать следом и сдерживаю себя адским усилием воли. Ничего не радует, и я стою тенью где-то у окна… ожидая, когда проклятое веселье окончится. Не просто больно, а адски невыносимо понимать, что совсем недавно это было так просто – подойти к нему или поманить взглядом.

Но такие, как Захар Барский, никого не любят. Только используют, отнимают, втаптывают в грязь и жестоко казнят… Так же он поступил и со мной. Он – хозяин этого города, он старше меня вдвое, у него своя семья, а малолетняя оборванка, как я, никогда не стала бы ее частью. Если б не жуткая тайна, которую он скрывает от всех и я, так не вовремя появившаяся в его жизни, с угрозой эту тайну раскрыть. Я, ненавидевшая его за то, что он отнял у меня детство, и полюбившая с первого взгляда монстра с волчьими глазами. И теперь сдыхающая от этой любви совершенно одна.

Намертво привязанная к нему какой-то больной одержимостью. И нуждающаяся в нем, как в воздухе.

Меня несло на волне цунами в самую пропасть отчаяния… когда он улыбался не мне. Я завидовала им, что они могут видеть эту улыбку так близко. А ведь я когда-то совсем недавно трогала ее руками и губами.

Дергаюсь каждый раз, если он накрывает руку собеседницы своей, и схожу с ума, когда ночью слышу, как вошел в комнату к Светлане. Но у меня все еще была надежда, которую он вырвет с корнем и оставит меня истекать кровью.

Перед очередной вечеринкой я, пошатываясь от все той же необъяснимой слабости, вошла в ванную и, оперевшись на руки, посмотрела на себя в зеркало… Что-то не так. Я что-то делаю не так. Не может он вот так просто забыть меня. Не может быть, чтоб я ему не нравилась… ведь я изменилась. Я стала красивее. Стала ведь. Мне все это говорят. Я вижу это во взглядах мужчин.

Я заставлю его посмотреть на меня. Заставлю вспомнить все, что между нами было. Он ведь хотел меня. Дико, зверски хотел. И сейчас захочет. Я женщина, а он мужчина.

Вытащила ворох вещей и швырнула на постель… выбор пал на то красное платье. В голове молниями вспыхнули воспоминания об ударе ремнем, и по телу прошла судорога боли и удовольствия. Оттуда и начался обратный отчет. Прошло достаточно времени, и я теперь в этом платье выгляжу иначе. Мое тело изменилось и округлилось, у меня отросли волосы, и я уже не пятнадцатилетняя малолетка.

Слегка ослабила шнуровку на талии. Несмотря на все нервные потрясения, я немного набрала вес. Хотя, конечно, за эти годы я могла измениться. Но я нравилась себе больше без угловатостей и выпирающих коленок. Он ведь тоже заметит. Не может не заметить. Опустила пониже декольте так, что полушария груди приподнялись вверх. Моя грудь стала более округлой и пышной, упругой. Красный шелк подчеркивал белизну кожи и маленькую родинку чуть ниже ключицы. А так же тонкий розовый шрам от ремня. Он притронется ко мне и не выдержит… почувствует мой запах. Он ведь говорил, что любит его. И волосы. Распущенные до талии. Его любимые рыжие пряди.

«Моя голая Лисичка, дай посмотрю на твое тело. Ты идеальна! Ты знаешь? Каждый твой изгиб сводит с ума. Станцуй для меня. Вот так вот. Одетая в твои волосы».

Когда вышла в залу, на меня все обернулись, и я увидела эти взгляды. Такие красноречивые, пошлые, настоящие мужские взгляды. Барский стоял у бара рядом со Светланой и еще двумя женщинами. Он заметил меня не сразу… а когда заметил, то лишь скользнул взглядом и тут же поднес бокал к губам. Но не выпил маленькими глотками, а осушил до дна и тут же взял другой.

Играла музыка, и кто-то из гостей уже танцевал. Он не сможет мне отказать, если приглашу при всех. Я нагло прошла через весь зал и подошла к Барскому, остановилась напротив.

– Добрый вечер, – громко, привлекая внимание и заставляя его посмотреть прямо мне в глаза. Не выдержал, скользнул по всему телу своим волчьим взглядом, заставляя сердце болезненно сжаться. Снова посмотрел прямо в глаза, и в зрачках холод и недовольство. И я уже шатаюсь, как от жестокого удара. Я уже ментально плачу от этого взгляда. Восхищение, если и промелькнуло, то тут же сменилось отчуждением.

– Я думал, у нас благотворительный ужин, а не вечеринка с обнаженкой.

Я проигнорировала его слова и все так же решительно сказала:

– Я хочу пригласить тебя на танец. Мы никогда не танцевали с моим любимым опекуном. Ты ведь не откажешь своей приемной… дочери, – на слове «дочери» он поморщился так, будто ему загнали под ногти гвозди. Я протянула руку, и он ее взял в свою. Тут же сдавил так, что у меня прошла судорога боли. И плевать. Пусть давит.

Повел в глубь залы, буквально кроша мои пальцы. Резко крутанул и тут же вошел в танец, застигая врасплох. Но я мягко влилась в танец. Посмотрела ему в глаза и поняла, что это конец. Ничего из этого не выйдет. И как бы меня не вело от его ладони на моей талии… я не могу не видеть, что ему это не нравится. Он напряжен до предела, и это совсем иное напряжение. Это не возбуждение. Он нервничает и очень сильно. Злится.

Мягко улыбнулась и положила руку на его затылок, поглаживая кожу дрожащими пальцами над самым воротником.

– Это платье… ты его помнишь? Два с половиной года назад ты…

Он прервал меня грубо, с явным раздражением:

– Послушай меня, Есения, и послушай внимательно. Второй раз я повторять не буду.

Дернул к себе, но удерживая между нами дистанцию таких размеров, будто боялся ко мне прикоснуться.

– Я ничего не помню и помнить не хочу. Ни с тобой, ни с кем-либо другим. Ты выдумала себе неизвестно что. Я просто тебя трахал, – от этих слов его тоже передернуло, и у меня сдавило виски, дышать стало нечем от этого выражения лица – брезгливости и отвращения, – пару раз под настроение. И все. Ничего больше. Ты мне неинтересна. Ты никто. Ты пустое место. С тобой и поговорить не о чем. Ты что о себе возомнила? – он говорит, а его голос растворяется, как в тумане, глохнет где-то под потолком, и у меня его лицо то расплывается, то снова появляется. – Думала, я разведусь, и мы заживем долго и счастливо? Девочка, очнись. Если ты продолжишь и дальше лезть ко мне и вешаться на меня, я избавлюсь от тебя, – все расплывается еще сильнее, – я тебя просто уничтожу. Живи и наслаждайся тем, что тебе дают. Между нами никогда больше ничего не будет. Ты мне не нужна. Ясно? Все. Хватит.

Ноги подкосились, и я вцепилась в его плечи.

– И твои попытки меня соблазнить жалкие, малышка. Ты – это отработанный материал. Не вынуждай вышвырнуть тебя. Ты мне не нужна, поняла?… Не нужна… не нужна.

Картинка поплыла, рассыпалась перед глазами, стала затягиваться черным туманом, и я начала падать в пропасть. Эхом слыша его последние слова.

* * *

А когда пришла в себя, то лежала на кушетке, возле меня Барский и какой-то пожилой мужчина с саквояжиком. Кажется, мы в кабинете Захара.

Мужчина повернулся к Барскому.

– Тут, конечно, нужны проверки и анализы, но не думаю, что с молодой барышней что-то страшное. У нее понизилось давление, есть, наверное, небольшая анемия, судя по бледности кожи. Но в ее состоянии это и неудивительно.

– В каком состоянии? – рявкнул Барский.

– Девочка ждет ребенка. Ну это процентов девяносто, а остальное может оказаться чем угодно. Лично я советую для начала сделать обыкновенную проверку на беременность, и я более уверен, что мое предположение подтвердится. Внешние признаки слишком явные.

Глава 2

Это проклятое письмо превратило меня в живого мертвеца, в подобие человека, который не может жить как раньше и никогда не станет прежним. В свое время я считал, что не существует чего-то, что способно выбить у меня почву из-под ног. Я слишком долго эту почву вспахивал, поливал и удобрял, чтобы позволить хотя бы чему-то испортить мои планы или изменить мою жизнь. Я из тех, кто никогда не ждет манны небесной, я делаю ее сам, своими руками, и, если не получается, я буду переделывать до тех пор, пока не получится. И, возможно, пока я буду крошить собственные амбиции, власть, цели в миксере, чтобы распылить над своей же головой, туда попадут чьи-то кости, чьи-то желания, чьи-то мечты и станут тленом в угоду моим. Меня это никогда не волновало. Мир создан сильнейшими для сильнейших. Пищевая цепочка и закон джунглей. Если я могу поглотить более слабого, чтобы насытиться, я это непременно сделаю, пока другие думают о толерантности, демократии и свободе слова, я растираю в порошок собственную манну, возможно, состоящую из плоти моих конкурентов. Впрочем, я никогда и никого не считал своим конкурентом, я смотрел только на себя. И если кто-то пытался мне мешать, просто сметал с дороги, как ненужный мусор. Пока вы мне не мешаете – вы живы.

Но с появлением Есении все это начало меняться. Катиться в какую-то дьявольскую пропасть. Я ведь был всегда с понятиями о том, как правильно, я давал своей жене и своим детям то, что считал необходимым. Я заботился о них. Я жил по неписанным правилам и кодексу чести Барского. У меня не было такого понятия, как беспорядочная щедрость или бездумное расточительство, я никого не баловал, но и не напрягал. У каждого свой бюджет. Все покупки рассчитаны и продуманы. Но у них у всех было реально все, что они могли пожелать и что соответствовало моему статусу. Кто-то считал меня скрягой, кто-то не понимал скрупулезности ведения бюджета, но я слишком много вложил в то, что имел на сегодняшний день, чтобы быть расточительным. Не скупой платит дважды, а расточительный идиот остается с дыркой в трусах.

И впервые мне захотелось потратить на хер все, что у меня было, швырнуть к ее ногам Вселенную. Положить к маленьким розовым ступням, отдать последнее, что у меня есть. И это пугало. Это сводило с ума. Я открыл для нее безлимитную карту. Кто б знал. Она ведь могла тратить миллионы. Но никогда не тратила и десятой части. Я делал ей подарки. Каждый день. Нет. Не для того, чтобы купить ее любовь… нет. Я делал ей их потому, что знал – она меня любит. Я ощущал это всем своим существом. Видел в ее глазах и сходил с ума, когда она бежала по ступенькам мне навстречу и бросалась на шею, едва я возвращался домой. Оказывается, я никогда не знал, что это такое. Меня шатало, как пьяного, от осознания, что меня, и правда, любят. Да, я произносил про себя это слово и удивлялся, что раньше его не существовало для меня. Я ее баловал. Мне хотелось осыпать ее всем, что пожелает. И я разрывался от счастья, когда она так искренне и самозабвенно радовалась подаркам. Носилась с ними, спала в них.

Я говорил ей не строить розовых замков, а сам строил целые миры вместе. Я продумывал, как и где смогу быть с ней всегда. Как не в ущерб всем остальным я могу наконец-то быть реально счастлив сам. Я говорил ей, чтоб она не придумывала любовь, а сам придумывал не просто любовь, а одержимость этой малышкой. У меня съехали мозги. Впервые влюбиться, когда вам за сорок – это сродни падению в огненную бездну. Это как заболеть безобидной детской болезнью во взрослом возрасте и переносить ее со смертельными осложнениями, и подыхать от побочек.

Каждый день с ней мне казался последним. Я боялся, что она, такая юная, пресытится мною, наестся моей любовью и улетит, как в песне «Машины времени». Я плотно закрывал все окна и сторожил ее сон. Никаких прогулок и

полетов по ночам. Только со мной, подо мной и на мне.

Я учил ее страсти, учил плотской любви, и она инстинктивно превосходила своего учителя своим настоящим огнем. Заставлял кричать и сходил с ума, слыша, как она хрипнет. Ласкал пальцами, языком. Да, черт возьми, чем я только ее не ласкал. Мне хотелось залюбить каждый миллиметр ее тела. Она умоляла прекратить или не прекращать, кусала свои розовые маленькие губки. Да, они были у нее маленькие и нежные. Никакой модной опухлости, как будто пчелы бешеные покусали, а естественный изгиб и нежность. Они опухали только после того, как я терзал их всеми способами. Я набрасывался, как голодный волк на свою добычу, стараясь насытиться её телом и голосом, прерывистым дыханием и слезами наслаждения.

И ни черта не насыщался. Мог иметь ее всю ночь напролет и наутро уходил с вздыбленным членом. А по ночам смотрел в потолок и слушал ее дыхание, лихорадочно думая, где ее спрятать, где укрыть от всех и иметь право любить сколько хочу. Может, плюнуть на все и развестись к такой-то матери? Дети уже взрослые. Жена? Ну так я бы ее не обидел. В конце концов у нас не царский режим и не католическое венчание. Разводятся даже президенты. Выдержал бы какое-то время и сделал рыжую ведьму своей. Окольцевал и никогда не отпускал даже на миллиметр от себя. Заделал бы ей мелких рыжих бесенят.

И эта мысль поразила меня сильнее всего… я никогда не говорил своей жене об аборте. Но я и не желал детей. Они просто появились, и я заботился о них. Как положено. Принимал известие от супруги, поздравлял ее и дарил подарок. Дети – это продолжение рода. Это хорошо. И у меня есть ресурсы позаботиться о них и обеспечить всем, что нужно… И я любил их. По-своему. Сдержанно. Я не умел иначе.

А сейчас целовал тоненькую шейку между рыжих кудряшек, гладил рисунок лопаток, проводил губами по выпирающим косточкам позвоночника, опускаясь до поясницы, трогал ямочки над округлыми ягодицами и представлял ее с животом. Я свихнулся. Кризис послесороковника, наверное. И плевать. Я впервые в своей жизни был счастлив. Не продуманно, не шаблонно. А по-настоящему.

И еще во мне проснулась дичайшая ревность. Адская, бешеная и неконтролируемая. Я ревновал ее ко всем и ко всему. Даже к ее танцам, к ее учителям, к своим охранникам, которых мог на хрен уволить, если мне не

понравилось, как они на нее смотрят. К любому, что отвлекало ее от меня, что было на мой взгляд более значимым в ее глазах. Но я никогда ей этого не показывал, кроме ревности к другим мужикам. Тут меня всегда срывало в самый лютый мрак, и я лютовал так, что не узнавал сам себя. Менял свой же персонал, водителей выбирал постарше, пострашнее и всегда ревниво следил, чтоб никто не смел даже выдохнуть в ее сторону. Плевать, что человек до этого проработал у меня много лет. Ни черта не важно, если это угрожало моим отношениям с девочкой. И все начали бояться, и правильно, я за свое глотку перегрызу, а Лисичку я считал более чем своей.

Это письмо меня разодрало на куски… оно перевернуло мне сознание и выкрутило его наизнанку. Меня перемолотило в мясорубке со ржавыми ножами. Я перечитывал и перечитывал, и перед глазами стояло чуть размытое лицо Милы. Она подо мной, на мне… наш секс чуть позже еще несколько раз. И я понимал, что самое жуткое – это не ложь. Это правда, которая всплывает спустя годы, чтобы поглотить вас, засосать в самое грязное и вонючее болото, какое только можно себе представить. Я слишком хорошо знал Милу. Она бы промолчала, она бы сожрала собственный язык, лишь бы не сказать. Честно? Мне тогда было насрать, от кого она родила. Я спросил – она ответила, снимая с меня всю ответственность. С этого момента и для меня ее ребенок был от Сергея. Но даже знай я тогда правду, и при этом, если бы эта правда не угрожала моей семье и карьере, я бы не считал этого ребёнка своим. Чистая биология. Да, я циничный сукин сын… БЫЛ!

А сейчас блевал, выворачивая внутренности и вспоминая, как имел свою девочку разными способами, и снова блевал. Меня пронизывало судорогами боли, меня просто разламывало безостановочно. Я начал пить. По вечерам запираться в кабинете и заливать проклятые воспоминания коньяком, водкой. Утром меня приводили в чувство лекарствами, уколами, и я более или менее становился похожим на человека. Я бы не сказал ей… никогда бы не сказал. Это слишком жестоко, это сломать ей психику, как она поломалась у меня. Я выл, я рычал, сдавливая голову руками. Я ненавидел и презирал свои руки, свои губы, свой член. Все ненавидел. Я себя проклинал. Я посмел ее замарать собой! Я такое с ней вытворял… дьявол, лучше бы я сдох на месте, чем все это помнить.

Был ли я способен вышибить себе мозги? Вполне! Но меня останавливало то, что тогда у нее не будет будущего… я слишком ее любил… да, слишком любил ее, чтоб быть настолько эгоистом и оставить с этим одну. Любил не как отец! «Отец»! Чтоб я сдох. Меня выворачивало от одного слова. Моя девочка… как я не

почувствовал… как? Смотрел на ее мучения после нашего расставания и впервые ощутил, как жжет глаза. Как скручивает горло и дрожат руки. Я не выносил ее слезы, не выносил даже, когда она просто была не в настроении. И сам заставил рыдать и сходить с ума… но пусть лучше ненавидит меня, как подонка, бросившего ее. Это банально и случается сплошь и рядом, чем знает, кто я ей на самом деле и что делал с ней. Ей станет легче. Она излечится… и я. Когда-нибудь я справлюсь. А если и нет – это только мои проблемы.

Привез ее домой. Думал, так лучше. А стало еще хуже. Видеть каждый день, проходить мимо, чувствовать запах и не притронуться, не прижать к себе. Ад. Пекло, которого не пожелаешь и врагу. И ненависть к себе растет с каждой секундой. Чем сильнее желаю ее, тем сильнее себя ненавижу. Отшвыривал, отдирал с мясом и зверел от боли. Девки каждый день новые. Выпивка с таблетками, которые выписал мне мой личный психиатр, притупляли агонию. Я превращался в машину, которая существовала на автомате. Но рядом с ней не помогало ничего, я оживал. Воскресал. И тут же умирал снова.

Смотрел на ее рыжие волосы, и тут же чувствовал, как их шелк скользит у меня между пальцами, и думал о том, что обязан держать себя в руках. Она будет жить дальше, она получит все, что полагается дочери Барского. Пусть и незаконнорождённой. У нее будет будущее. С другим мужчиной… она будет счастлива, и заранее сдыхал от ревности. Дьявол свидетель, как я удерживался, чтобы не биться башкой о стены. Я стирал в порошок каждого, кто лез ко мне, каждого, кто мне не нравился. Я озверел, и мои подчиненные это понимали, они притихли и боялись свихнувшегося монстра. Мне казалось, что это поможет не думать о ней, не представлять ее будущее с другим, не сгорать от бессильной ненависти и не желать просто убить ее. Прекратить свои мучения ее смертью. Ведь это так просто… и одновременно с этим совершенно невозможно. Я тут же и сдохну сам.

Когда бил ее словами… я ощущал эти удары. Каждый из них. Ножом в сердце, под лопатки, в спину, в живот. Я весь был исколот своими же ударами. Она плакала, и я рыдал вместе с ней молча и с каменным лицом. И я начал верить в проклятия. Меня точно прокляли люто, безжалостно и по-черному жутко. Меня заставили гнить живьем от самого отвратительного поступка, который может совершить мужчина… если такого, как я, после этого можно назвать мужчиной.

Она! Моя! Дочь! И это отрезвляло. Вызывало брезгливую тошноту от себя самого.

Я и ее ненавидел за то, что не отстает и дразнит меня, маячит перед глазами в сексуальных нарядах, смотрит этими своими бирюзовыми глазами, полными отчаянной тьмы. Пригласила на танец, а я прикоснуться к ней боюсь. Меня в пот швыряет. Трясет всего.

И это оказался только шаг в бездну… самый первый. А потом меня подожгли живьем. Облили серной кислотой, бензином и поднесли спичку… Мои мечты исказились таким чудовищным образом, что внутри меня корчился и хохотал обезумевший я. Он резал себя на куски и истекал кровью прямо в том кабинете, когда она вошла, держа что-то в руках, и протянула это врачу. У меня колотило в висках, отнимались пальцы рук и ног, пока доктор поворачивался ко мне с чудовищным оскалом… который, видать, считал улыбкой, и казнил меня каждым словом.

– Беременность подтвердилась, как я и думал. Я задам вашей доч…

– Подопечной, – поправила его Есения, а я смотрел перед собой застывшим взглядом и мысленно орал так, что у меня изо рта хлестала фонтаном кровь. Я даже видел ее на полу и везде по всему кабинету. Разве они не видят? На самом деле они, скорее всего, видели окаменевшего меня с застывшим взглядом.

– Пару вопросов задам и…

– Никаких вопросов, – почти исчезнувшим голосом проскрипел я, – этого ребенка не будет. Аборт. Сегодня же. Сейчас же.

– Но надо узнать сроки… надо хотя бы…

– Я сказал аборт! Плевать на сроки! Вы вытащите из нее ЭТО, какой бы срок сейчас не был!

Повернулся к ней, чувствуя, как темнеет у самого перед глазами и плоть лохмотьями облазит изнутри. Такой адской боли я еще не испытывал никогда.

– Я не хочу делать аборт, – возразила бледная девочка, тяжело дыша и глядя на меня.

– Никого не волнует, чего ты хочешь! – рявкнул я. – Вычистить! Немедленно! Сейчас же!

Повернулся к врачу.

– Мне плевать, как вы это сделаете, но чтоб завтра в ней ничего не было!

Глава 3

Врач вышел, а я бросилась к Барскому и вцепилась в его рукав.

– Нет! Слышишь? Нет! Ты не имеешь права это решать! Не имеешь! Не смей распоряжаться мною и моим телом!

Повернулся ко мне с расширенными бешеными глазами.

– Имею. Этого не будет. Слышишь? Ты сделаешь, как я сказал, и этого… – он подбирал слова, КАК назвать нашего ребенка, а я в этот момент понимала, что умираю, что по мне идут трещины, и я вот-вот рассыплюсь на осколки и молекулы нескончаемой боли, – этого отродья не станет… ЭТО уберут из тебя!

– Это, как ты сказал, не отродье, это ребенок! И… и он не твой! НЕ ТВОЙ! Поэтому не смей им распоряжаться!

Схватил за горло и сдавил пальцы.

– Что ты сказала?

– Он не твой, – я цеплялась за этот мизерный шанс, как за соломинку, как за волосинку, на которой можно удержаться и не упасть в слипающийся позади меня кровавый мрак, – не твой. Он… он.

– ЧЕЙ? – загрохотал таким ревом, что у меня заложило уши.

– Он Яна…

– Лжешь! – тряхнул за горло, бешено вращая глазами, теряя все человеческое в облике. – Ты лжешь. У тебя не было на это времени!

– Ты плохо знаешь женщин? Время есть всегда. Ты не был со мной двадцать четыре часа в сутки.

– Был. Следил за каждым шагом.

Но неуверенность промелькнула в светлых, безумных глазах. Я впилась в его руку ногтями, ослепленная болью и каким-то диким, звериным инстинктом не позволить тронуть ребенка. Никогда не думала, что этот инстинкт просыпается настолько быстро, настолько мгновенно. Всего лишь час назад я даже не подозревала о его существовании.

– Пусть он родится, и мы проверим чей. Не тронь… я тебя возненавижу, я прокляну тебя.

– Плевать. Меня в этой жизни проклинали чаще, чем ты моргала. Я принял решение, и обсуждению оно не принадлежит. Собирай вещи – поедешь в клинику.

– Никуда не поеду. Не дам тебе этого сделать. Вначале придется убить меня.

– Ты меня недооцениваешь. Я не спрашивал твоего мнения. Если будешь мешать, усыпят и все равно вычистят. Сделай все по-хорошему, Есения, не зли меня, не своди с ума.

У меня не оставалось даже этого волоска, он рвал его, раздирал у меня на глазах.

– Я клянусь, никто не узнает. Ни одна живая душа не заподозрит, что это мог бы быть твой ребенок. Дай мне просто уйти. Я просто исчезну из твоей жизни, и ты никогда меня не увидишь… Пойми… у меня никого нет. Это единственное родное. Мое. Моя кровь. Захар… умоляю тебя. Сжалься. Он ведь крошечный. Он ничего тебе не сделал. Ты никогда меня не увидишь… после того, что ты

совершил… с моими родителями. Пожалей моего малыша… Не убивай!

Когда я сказала о родителях, он изменился в лице, побледнел еще сильнее и отшвырнул меня от себя.

– Собирай вещи. У тебя, – посмотрел на часы, – полчаса. Через три дня вернешься домой и забудешь об этом. Будто ничего и не было. Начнешь жизнь сначала.

Нет, кого я прошу? В нем нет ни капли сострадания. Он же похож на каменное изваяние, на лед, который невозможно растопить.

– Ты не человек. Ты – дикий, взбесившийся зверь… Нет… хуже. Ты – монстр. Даже звери не трогают своих зверенышей, а защищают до последней капли крови… а ты даже не зверь. Ты нечто жуткое и бессердечное. Ты… чудовище!

Расхохотался, кривя рот. Он вообще походил на какого-то безумца, словно перестал быть собой. Я никогда его таким не видела.

– Да, я монстр. Жаль, что ты не видела этого раньше. Марш в свою комнату собирать манатки! Мне не до разговоров. Пошла… быстро!

Вытолкал за дверь, и я увидела, как он распахнул дверцы бара, достал бутылку с коньяком, откупорил крышку зубами и прямо из горлышка сделал несколько глубоких глотков, потом дернул пальцами воротник и ослабил узел галстука.

В комнату я шла, шатаясь и придерживаясь за стены. Я трезвела и в то же время ощущала, как нарастает пульсация боли и понимание о том, что я слишком много себе придумала, что я влюбилась не в человека, а в… морального урода, в ублюдка, не способного на чувства. Не знаю, почему забывала выпить таблетки, прописанные его знакомым врачом, я была юной и безалаберной, рассеянной, слишком витающей в облаках. Меня так шваркнуло о землю, что я все еще открывала широко рот и глотала воздух, немея от боли. Испугался… за свою карьеру, за свою семью. Да не важно за что. Он просто струсил, и я для него действительно никто. И была никем.

Зашла в спальню и прислонилась спиной к стене… Понимания, что во мне есть еще одна жизнь, еще не пришло, но мысль, что меня тронут и заберут это

маленькое и бесценное чудо, казалась невыносимой, казалась чудовищно жуткой. Нееет. Я не дам. У меня больше никого нет. Это мое… часть меня. Может, я не готова, может, я буду плохой матерью, может… не знаю, но я не могу убить своего малыша. Он мой прежде всего. Он растет во мне, и никто не имеет права у меня его забрать.

Я подошла к окну, посмотрела на карниз под окном и на забор, на машину, в которую грузили спиленные в саду засохшие деревья и кустарники, а потом перевела взгляд на свой сотовый. Безумная мысль пронизала воспаленный мозг. Я должна попытаться, должна попробовать, должна! Схватила сотовый и набрала номер Яна.

– Привет… мне нужна твоя помощь. Если не испугаешься. А если откажешь, я пойму. Забери меня отсюда. Быстро. Прямо сейчас. Я вылезу из окна, через несколько минут откроют задние ворота, будут вывозить мусор. Вырубили несколько деревьев в саду, я проскочу, но ты должен ждать меня в машине.

– И… я-то приеду. Не вопрос. А дальше что? Думаешь, он тебя не найдет?

– Дальше высадишь меня где-то в городе, и я придумаю, что делать. Просто увези. Сможешь?

– Через сколько?

– Через… не знаю. Быстро. Как можно быстрее.

– Буду через семь минут.

Он отключился, а я бросилась переодеваться, стаскивать с себя ненавистное платье. Слез не было. Была решимость и злость. Была боль, перерастающая в невыносимую агонию, но я не позволяла ей овладеть мною, сломать меня. Потом. Я буду плакать позже, когда спрячусь от него. Куда? Я не знала куда. Мне некуда идти. Я еще ничего не решила и не придумала. Когда вылезла в окно, не возникло даже и капли страха, я не думала ни о чем. Я хотела только одного – бежать. Спустилась вниз и затаилась возле грузовика с сухими стволами и ветками. Вот-вот должны были открыть ворота. Посмотрела на сотовый. Пришла смска от Яна «я здесь». Кивнула сама себе и приготовилась бежать возле бортика грузовика, чтоб никто не заметил.

Сама себе не поверила, когда удалось, когда уселась на переднее сиденье, и Ян сорвался с места, вдавливая педали газа.

– Что такое? Тебе опять что-то запретили или поссорилась со своим деспотом?

Я посмотрела на парня, задыхаясь и глотая каменный комок в горле.

– Женись на мне.

– Что?

– Ты можешь на мне жениться? Мы потом разведемся. Никаких претензий, ничего.

– Дело не в претензиях, а в твоем психическом здоровье. Мне кажется или ты под чем-то?

– Я не под чем-то… мне надо спасти… надо.

– Кого спасти?

– Ребенка, – ответила и сама не поняла, что сказала это вслух.

– Какого ребенка?

– Моего ребенка… он хочет вырезать его из меня, хочет, чтоб я сделала аборт. Насильно. Женись на мне. Я скажу, что ребенок твой, и, может, монстр не тронет его…

– А он чей? – как-то глухо спросил Ян, даже не глядя на меня.

– Не важно чей. Какая разница? Он мой! Он прежде всего только мой!

Закричала и затряслась вся от мысли, что… что он, и правда, только мой. Никому не нужный, крошечный там внутри, такой беззащитный.

– Ладно. Женюсь. Ты только не нервничай так. Ты бледная, как смерть. Возьми в двери воды, попей. Что-то придумаем. Найду, где тебя спрятать… Конечно, стремно, что ты с кем-то. Обидно даже… Я ведь тебя… Но хрен с ним, потом разберемся с этим.

Я вскинула руки и обняла Яна за шею, всхлипывая от нахлынувшего чувства безмерной благодарности, от какого-то облегчения и надежды, что все еще может как-то быть иначе… О Барском я порыдаю потом, потом буду выть и корчиться от боли. Потом буду ненавидеть его и умирать от этой ненависти.

– Спасибооо

– Да пока не за что. Пристегнись и попей воды.

Потянулась за водой, и в этот момент Ян со всех сил крутанул руль и надавил на тормоза. Это было стремительно быстро. Настолько быстро, что я не успела понять, что происходит, как нас обоих уже вытаскивали из машины. Два джипа заблокировали маленькую машинку Яна с двух сторон. И я поняла… что все обнаружено, что Барский догнал меня и… и ничего не получится. Как сквозь туман смотрела на скорчившегося на земле Яна, которого били ногами, а меня тащили к машине.

– Отпустите! Отпустите меня немедленно! Нееет!

Я кричала и тянула руки к парню, с ужасом понимая, что его могут, как Барата, забить до смерти. Выкрутилась в руках одного из охранников и схватила за шиворот.

– Я сама пойду. Прекратите его бить… прекратите, или я скажу, что вы меня лапали, что вы лезли мне в трусы. Он вам руки отрубит и слушать дважды не станет. Закончите, как и все остальные, от кого я избавилась! Отпустите его… Слышите? Я сама пойду, самаааа!

Лицо ублюдка, тащившего меня к джипу, вытянулось, и в глазах промелькнул животный ужас. Ага! Значит знает, что я не лгу. Знает, как плохо кончили его дружки, которые просто не так на меня посмотрели. Не знает только одного – Барскому уже все равно. Его не волнует старая и ненужная игрушка.

– Эй! Хватит! С него достаточно. Тём, коленки ему перебей, чтоб надолго запомнил, как бегать, и скорую вызови. Ты… скажешь в аварию попал, ясно? Тебе передали, если болтать будешь, все ваши забегаловки на хер спалят, а брата твоего упекут пожизненно и очко в тюряге порвут. Во все дыры его натягивать будут. Понял? Ни один бизнес в этом городе не откроете. По миру вас пустят. Чем там твоя мать больна? Диабетом? Ни в одной аптеке лекарства не купите!

Я слышала это сквозь сильнейшую пульсацию в висках и адскую слабость. Крик Яна и глухие два удара. Меня швырнули в машину, и джип сорвался с места.

И мне стало по-настоящему страшно… от безысходности хотелось взвыть. Достала сотовый и набрала номер Барского. Сработал автоответчик.

«Если ты это сделаешь, я убью себя. Я перережу себе горло. Я буду ненавидеть каждую букву твоего имени. Пожалуйста, не надооо. Ну не надо. Пожалееей нас. Дай мне уйти. Захар… я ведь так люблю тебя… люблю тебя. Не убивай. Он маленький, такой маленький».

Зарыдала навзрыд, сжимая сотовый в руках и уткнувшись лицом в холодное стекло. Не сжалится он, я знала. Нет в нем жалости. Он не умеет любить. Он сам сказал. Просить его – все равно что молиться истуканам. Нет в этом человеке ничего святого.

* * *

Меня вели по коридорам больницы, оформляли, тыкали мне в вены иголками и что-то записывали. Потом повели на УЗИ. А я мимо столика проходила и увидела там инструменты под марлей на подносе. Взгляд зацепился, и я дальше пошла. Улеглась на кушетку, как под каким-то гипнозом.

Как насмешка… как самое дикое издевательство… я слышала сердцебиение ребенка, слышала, как врач говорил, что ему сейчас девять недель и он совершенно здоров.

– Один живой эмбрион. КТР[1 - КТР – Копчико-теменной размер плода (прим автора).] двадцать миллиметров, ЧСС[2 - ЧСС – Частота сердечных сокращений

плода (прим автора).] примерно 175–180. Без видимых патологий.

– Андрей Сергеевич, так можно не чистить, попробовать медикаментозно. Выкинет сама. Не так травматично для здоровья. И нам меньше возни.

Они говорили обо мне и моем малыше, как о неодушевленных предметах. Распоряжались нашими жизнями.

– Есения, – врач обратился ко мне, – мы хотим, как можно меньше вмешиваться и лезть в ваш организм. Вам дадут таблетки, вы их примете, через несколько часов случится самопроизвольный выкидыш. Это будет практически безболезненно. В любом случае вам дадут обезболивающее.

Я смотрела на него сквозь туман и слезы. Мне казалось, со мной говорит какой-то робот. Бездушная тварь, как и тот, что ему отдал приказы.

– Я не буду ничего пить, – тихо сказала и ощутила, как темнеет перед глазами. – Я НЕ БУДУ НИЧЕГО ПИТЬ! ВЫ СЛЫШАЛИ? Не будууу!

У меня началась истерика, и я толкнула врача обеими руками, вскочила с кушетки и швырнула на пол стул, перевернула стол с инструментами, хватая с него скальпель дрожащими пальцами.

– Вы ко мне не приблизитесь. Ни на шаг. Ни на миллиметр. Никто из вас не подойдет ко мне и к моему ребенку. Я вам не дамся. Себя порежу и вас всех. Ублюдки!

Размахивая скальпелем, я прижалась к стене, дрожа всем телом. Медсестра взвизгнула и бросилась к двери, доставая сотовый телефон.

– Есения, – врач выставил руки вперед, – я понимаю, что у вас стресс, беременность – это всплеск гормонов. Все пройдет наилучшим образом. Вам не надо бояться.

Он сделал шаг ко мне, а я махнула рукой, и лезвие царапнуло его по тыльной стороне ладони. Это тут же отрезвило, и он отшатнулся с ошалевшим выражением лица.

– Да, убийца в белом халате, да, продажная шкура, я не шучу. Я не изысканная пациентка твоей живодерни, где ты расчленяешь младенцев. Я с улицы, я детдомовская. Такие, как я, и кишки пустить могут. Не приближайтесь ко мне.

Доктор попятился к двери, выскочил наружу и запер меня в кабинете. А я сползла по стене на пол, глядя на изображение на экране. На маленькую точку, похожую на улитку. И внутри все сжалось от всепоглощающей, необъяснимой и такой незнакомой нежности, очень болезненной, смешанной с дикой тревогой и отчаянием. Они не убьют тебя… им придется убивать нас обоих.

Закрыла глаза, сжимая скальпель и чувствуя, как дрожит все тело и как отхлынула волна адреналина, оставляя ужас и опустошение.

Глава 4

Я так и сидела в кабинете, глядя на дверь и судорожно сжимая в руках скальпель, пока не повернулась ручка и я не вскочила, выставляя руку вперед, готовая напасть на любого, кто ко мне приблизится. Зашла медсестра. Та самая, что выскочила первой со своим сотовым. Она выглянула в коридор, потом посмотрела на меня и тихо сказала.

– Они тебя сейчас в палату отведут. Ты успокойся, чтоб транквилизаторами не накачали. Скальпель спрячь и веди себя адекватно. Откажись от медикаментозного, скажи – боишься, что после него что-то останется, и все равно чистить будут. Тут они ничего не сделают. Будет, как ты скажешь. Начнут готовить на завтра. Со всем соглашайся.

Я смотрела на нее и пока ничего не понимала… А она снова в коридор выглянула и опять на меня смотрит.

– Ночью тебя выведу отсюда. Позаботились о тебе. Человек один… сказал, знакомы вы.

Сердце тревожно подпрыгнуло… неужели это тот аноним, что мне писал раньше? Только он и может быть. Больше некому. А может, это Ян нашел

способ? Или кто вообще осмелился у Барского под носом вот так?

– Если продолжишь скальпелем размахивать, тебя транками накачают и вычистят. Поняла?

Я кивнула и положила скальпель на поднос, тяжело дыша.

– Вот и молодец, я сейчас чай принесу с лимоном, а ты присядь на стул и успокойся. Врач вернется с санитарами, надо чтоб в адеквате тебя увидел. Скажи, бес попутал, гормоны, все дела. Опомнилась и сама готова.

Я снова кивнула… не знаю почему, но я ей поверила. Наверное, потому что больше некому. Постепенно заставила себя успокоиться, села на стул, регулируя дыхание и сжимая дрожащие руки. Когда в коридоре послышались голоса, стало страшно, что сейчас скрутят и что-то вколют, бросила взгляд на скальпель и все же сдержалась.

Врач вошел в кабинет и удивился, когда увидел меня, мирно сидящей на стуле с самым несчастным выражением лица.

– Простите… я просто испугалась. Я очень извиняюсь.

Он бросил взгляд на одного санитара, потом на другого и повернулся ко мне.

– Такое поведение совершенно недопустимо в стенах моей клиники, даже несмотря на ваши протекции.

– Я… я понимаю. Мне было очень страшно. Я не ожидала… и… не надо медикаментозно. Вдруг все сразу не выйдет, и все равно чистка. А так с наркозом, и открою глаза – уже нет ничего. Можно ведь так?

Врач кивнул санитарам, и те вышли в коридор, не забыв прихватить с собой поднос со скальпелем и инструментами.

Доктор сел за стол, у него слегка подрагивали руки. Я явно его напугала. Так ему и надо, сволочь бездушная. Циничная и мерзкая сволочь! Жаль, что сильнее его не порезала… хотя вина здесь не его, и порезать не мешало бы того… с

холодными и волчьими глазами. Того, кто решил все за меня.

– Можно и так. Анализы у вас в норме. Противопоказаний для анестезии не вижу.

Выдохнул, раздув щеки. Явно успокаиваясь и чувствуя облегчение от моего согласия. И до меня с ужасом доходит, что так бы и было. Меня б скрутили, обкололи чем-то, и все сделали насильно.

– Сегодня операционная занята, поэтому уже завтра. Сегодня отдыхайте, вам дадут витамины, поставят капельницу. И ведите себя адекватно, иначе мне придется принять меры.

– Да, конечно. Простите, пожалуйста.

Когда меня увели в палату, я и сама уже чувствовала облегчение. Мозг начал постепенно работать, а боль я загнала в дальний угол и не дала этой твари прямо сейчас истязать себя. Медсестре я не дала ничего уколоть и от капельницы отказалась. Она усмехнулась, но не настаивала. Шепнула только, чтоб я была готова после двенадцати ночи. Поставила пакет в мой шкафчик. Едва она вышла, я бросилась к пакету и посмотрела, что там внутри. Увидела вещи. Значит, я смогу переодеться, так как мою сумку отобрали и переодели меня в больничную пижаму. Еще в один маленький пакет был завернут мой паспорт и билет на поезд. Сердце застучало еще сильнее, и надежда наполнила меня силами бороться дальше. Не будет, как он решил. Не будет! Я сбегу от него. Я вырвусь на свободу. Не пропаду. Я что-то придумаю и справлюсь. Ближе к двенадцати я выглянула в коридор и, прикрыв дверь, начала быстро переодеваться в какое-то неприметное простенькое платье и красную кофту. Показалось, что она слишком заметная, но потом я вспомнила, что эти кофты полгорода носит. Пригладила волосы, заплела косу и спрятала под кофту. Документы положила в карман. Было страшно, что и в этот раз не выйдет, что Барский опять узнает и догонит. Но волка бояться… Я рискну. Если это мой шанс спасти малыша, я его использую.

Ровно в двенадцать никто не пришел, и я уже начала нервничать, поглядывая на простые белые часы, висящие на стене, и на дверь. А вдруг все сорвется?

Но она пришла. Скользнула в палату и приложила палец к губам. Подошла к кровати, начала запихивать подушки под одеяло, якобы это я там лежу. Потом

подала мне шапочку и халат.

– Надевай сверху на одежду и идем со мной. Если кто-то остановит, я буду говорить, а ты молчишь.

Я кивнула и послушно надела халат с шапочкой. Когда вышли вместе в коридор, сердце забилось быстрее и адреналин запульсировал в висках. Но медсестра была спокойна, она прошла со мной к лифту, нажала кнопку этажа парковки и ободряюще мне улыбнулась. В этот момент лифт остановился, и в него зашли те самые санитары, которых я видела в кабинете врача. Я отвернулась тут же к стене, а медсестра сделала шаг вперед, оттесняя меня назад.

– Что, Петров, смену закончил?

– Щаз. Я сегодня сутки пашу. Хочу в киоск сбегать, сигареты кончились. Санек со мной. Может, к нам на кофеек? И новенькую возьми.

– Отстань. Мне не до кофейка, сам знаешь, какая кукла у нас лежит, и кто о ней печется. Мне глаз да глаз.

– Да уж. Психованная какая-то. Доктора порезала. Я б на его месте…

– А что ты на его месте? Потом бы остался без работы, а может, и в морге бы оказался. Ладно. Харе болтать. Я вниз в лабораторию.

Они вышли на первом этаже, а она шумно выдохнула, и я вместе с ней. Когда вышли на парковку, повеяло сыростью.

– Дождь опять идет. Не лето, а какой-то кошмар. Я даже в отпуск из-за погоды этой не поехала.

Я промолчала, просто шла рядом, и мозги не работали совершенно. Я не знала, что будет со мной завтра, куда мне идти и как я выживу без денег. Может, там на кредитке, которая в пакете, что-то и есть, но что? И кому я обязана этим спасением?

Мы подошли к машине, судя по шашкам вверху – такси. Неприметная старенькая «семерка» синего цвета с молодым водителем за рулем. Медсестра наклонилась, постучала в окошко, и водитель опустил стекло.

– Довезешь куда надо, и чтоб без приколов. Ясно?

– Какие приколы, Ир. Ты ж меня знаешь. Все будет в лучшем виде.

– Смотри мне.

– А деньги?

Она посмотрела по сторонам и сунула руку за пазуху, достала конверт, протянула водителю.

– Вот, здесь половина суммы. Потом получишь еще. Все. Некогда болтать. Ты, – она постучала по моему плечу, – давай халат и шапку, надень капюшон.

Я протянула ей вещи и села в машину, пребывая в каком-то оцепенении. Словно я – не я и тело не мое совершенно. Я на каком-то чудовищном автопилоте. Голова абсолютно не работает.

Мы отъехали от больницы, и водитель увеличил звук радио, повернулся ко мне, постукивая пальцами по рулю.

– Жизнь дерьмо, да, сестренка?

– Дерьмо, – подтвердила я и уставилась в окно.

– Вопросов не задаю. Но ты неважно выглядишь. Как с того света. Вроде клиника хорошая. Здесь сестра моя лежала пару раз. Один раз аборт от одного придурка сделала, а во второй решила все же оставить, так какие-то проблемы полезли, и, в общем, замер он. Вот по знакомству здесь аккуратно все сделают. Ты если не против, я ее по дороге подхвачу, тебя на вокзал отвезу в город, а с ней сюда в клинику обратно. Нам просто по дороге. А потом я через мост вернусь, быстрее будет.

– Да, конечно.

Отвернулась опять к окну. Бывают состояния, когда никого жалеть особо не хочется. Потому что сама как онемела и оглохла, как будто под каким-то наркотиком, не притупляющим боль, но притупляющим все остальные эмоции и чувства.

– Я в частный сектор заверну. Это на пару минут. Мы успеваем.

Продолжаю кивать, даже не глядя на него.

– Тань, я уже подъезжаю. Выходи. Ааа, ты на остановке? С ума сошла? Дождь такой, еще простудишься. Да ладно, не говори ерунду. Давай, я скоро буду. Сумку, деньги и документы не забыла? Вот и молодец. Не реви. Все что не случается, все к лучшему.

Мы заехали куда-то, и машину беспощадно трясло и бросало из стороны в сторону. Водитель затормозил у остановки, и в кабину юркнула девушка вся мокрая от дождя.

– Блин! Вся промокла, и у меня кофты нет. И печка не пашет. Зачем рано вышла?

– Дома сидеть не хотела.

Ответила девушка, и я посмотрела на нее через зеркало – какая-то измученная, бледная. Промокла вся, с волос вода капает. И правда, жалко стало. Представила, что у нее на душе сейчас творится… каково это осознавать, что жизни внутри нет больше, и передернуло от ужаса. Я кофту сняла и ей протянула.

– Наденьте, не так холодно будет.

– Спппасибо. Я, и правда, замерзла.

Взяла кофту и закуталась в нее. Еще несколько раз спасибо сказала. А мне холодно не было, наоборот жгло. В жар швыряло.

Дождь бил в стекло, а меня опять накрыло волной боли и жуткой неизвестности. И в голове голос Барского…

«Имею. Этого не будет. Слышишь? Ты сделаешь, как я сказал, и этого отродья не станет… ЭТО уберут из тебя!».

Машину беспощадно трясло и воняло бензином. Меня начало тошнить. Вначале немного, потом все сильнее и сильнее. Пока не скрутило желудок так, что я покрылась потом.

– Остановите, – задыхаясь попросила я, – остановитееееесь. Мне плохо. Я сейчас…

Водитель чертыхнулся и резко затормозил на обочине в кромешной тьме, дождь мерзко моросит, и ни черта не видно, только фары «семерки» выхватывают из темноты кусок дороги. Я выбежала, отошла подальше, скручиваясь пополам и исторгая все содержимое желудка…

Когда это произошло, я, судорожно дыша, словно в замедленной киносъемке смотрела, как на бешеной скорости огромная фура врезается в «семерку» и как машину отшвыривает в кусты на противоположной стороне трассы, она с оглушительным грохотом падает в кювет, сносит несколько тонких осин и, перевернувшись на бок, скрепит крутящимися колесами. Меня вывернуло снова, задыхаясь и дрожа всем телом, я вытирала рот тыльной стороной ладони, не веря, что это произошло только что у меня на глазах. Фура давно скрылась в темноте, а я, шатаясь, перешла дорогу и подошла к искореженной машине. Тошнота сворачивала меня пополам мучительными спазмами и вывернула еще раз, когда я увидела, что они оба мертвы… Водитель вылетел наполовину в лобовое стекло, его… я не стала смотреть на то, что с ним стало. Весь капот кровью залило, а девушка с неестественно вывернутой головой откинулась вбок на сиденье, глядя широко раскрытыми глазами в пустоту. Я с воплем попятилась назад, обо что-то споткнулась и увидела ее сумочку. Не знаю, зачем взяла ее… но взяла, а потом почувствовала запах бензина и почему-то поняла, что надо бежать. Очень быстро бежать.

Когда раздался взрыв, меня на несколько секунд оглушило, и я закричала, срывая голос, побежала еще быстрее. Перед глазами все расплывалось, я потеряла один из своих мокасин. Носок промок насквозь, и в ступню что-то впилось или ее распороло осколком стекла. Ветки хлестали меня по лицу, по

телу. Я не знала, плачу ли я или это дождь.

А впереди маячила темнота и непроглядное ничто, которое ждало меня где-то там, притаившись в кустах. И я не знала, как долго мне бежать и куда… Но в голове пульсировала только одна мысль. Я не дала им это сделать с собой… не дала им убить моего ребенка.

А потом упала на колени и, поскользнувшись на мокрой травке и чувствуя, что сил бежать уже нет, облокотилась о ствол дерева и закрыла глаза…

«Я ничего не помню и помнить не хочу. Ни с тобой, ни с кем-либо другим. Ты выдумала себе неизвестно что. Я просто тебя трахал. – от этих слов его тоже передернуло, и у меня сдавило виски, дышать стало нечем от этого выражения брезгливости и отвращения на его лице, – пару раз под настроение. И все. Ничего больше. Ты мне неинтересна. Ты никто. Ты пустое место. С тобой и поговорить не о чем. Ты что о себе возомнила?»

Холод забирается даже в кости, и мне страшно, что меня здесь никто не найдет, и я заблудилась в какой-то лесополосе в кромешной тьме совсем одна. И голосовать на дороге, чтобы найти помощь, совсем не вариант… я попаду прямо в лапы Барского. И вдруг в голове болезненной и ослепительной до дикой боли молнией-вспышкой:

«Если ты продолжишь и дальше лезть ко мне и вешаться на меня, я избавлюсь от тебя, я тебя просто уничтожу».

Меня снова выворачивает пустым желудком куда-то в траву… и жуткое озарение вызывает дрожь агонии по всему телу – это он послал фуру. Он приказал меня уничтожить, чтоб я не портила его жизнь. Больше никто бы не решился: ни дать мне возможности сбежать… ни вот так лишить жизни на мокрой дороге и уехать с места преступления, не боясь, что постигнет страшная кара… и это означало только одно – ОН ОТ МЕНЯ ИЗБАВИЛСЯ!

Будь проклят Барский, но я никогда ему этого не прощу! Никогда! Пусть горит в Аду! А я выживу! Я смогу! МЫ сможем!

Глава 5

Я смотрел на часы и не звонил туда. Мне хотелось. Меня скручивало от этой необходимости, но я не давал себе взять сотовый и набрать этот проклятый номер. Они позвонят сами, когда все будет кончено. Я на повторе слышал ее слова. Постоянно одни и те же слова, как на автоответчике.

«Если ты это сделаешь, я убью себя. Я перережу себе горло. Я буду ненавидеть каждую букву твоего имени. Пожалуйста, не надооо. Ну не надо. Пожалееей нас. Дай мне уйти. Захар… я ведь так люблю тебя… люблю тебя. Не убивай. Он маленький, такой маленький».

Это ты маленькая и очень глупая девочка. Все ради тебя. Плевать, что со мной происходит. Отправлю тебя учиться, устрою твое будущее. Забудешь все, как страшный сон. Да, ненавидь меня. Ненавидь каждую букву моего имени. Вряд ли ты сможешь это сделать лучше и сильнее, чем я сам.

Я презирал себя в эту секунду так сильно, что мне казалось, я слышу скрип собственных костей и натяжение напряженных до предела сухожилий. Просто вытерпеть, не думать о том, что там происходит. Абстрагироваться, как это получалось всегда раньше. Это не ребенок… это нечто ужасное, нечто исковерканное по чьей-то дикой прихоти и уродливое, как и все, что я посмел испытывать к моей Лисичке. А потом опять ее слова в голове, и мне выть хочется раненым зверем. Дикие мысли о том, чтобы забрать ее оттуда, увезти куда-то, и никто бы не узнал… а вдруг ребенок не родится с генетическими уродствами? Вдруг… Не бывает в этом мире никаких вдруг! Никаких проклятых вдруг! Удача и чудеса – это всего лишь миф для идиотов. Наверное, я заслужил всю эту тьму, весь этот дьявольский карнавал уродливых открытий. Слишком много дерьма я совершил в своей жизни.

Утро так и не наступало, и время тянулось, как резина. И все эти часы я варился в адской магме. Я представлял, как она там кричит и плачет, и метался по кабинету, нарезал круги словно в клетке. У меня все переворачивалось внутри, и я несколько раз хватал сотовый и швырял обратно на диван. Нет! Ничего я не сделаю! Ничего не изменю! Породить на свет существо больное от такой отвратительной связи – это верх трусости и эгоизма. Ничего. Это всецело на моей совести. Лисичка никогда не узнает. К утру я был похож на мертвяка, восставшего из могилы. Из зеркала на меня смотрел зомби с черными провалами

вокруг глаз. Меня слегка пошатывало, но не от алкоголя. Я запретил себе пить в эту ночь. Я хотел не притуплять боль. Я хотел, чтоб меня раздирало ею так же, как и мою девочку. Потому что всю эту боль заслужил только я, а не она… а расплачиваться все же пришлось именно ей. Я лишь вынес приговор и заставил всех привести его в исполнение.

Сотовый зазвонил в руках, и я хотел рявкнуть в него, но практически не услышал свой голос:

– Захар Аркадьевич… мы… она сбежала.

– Куда? Когда? – крик хриплый, сорванным воплем.

– Ночью!

– НАЙТИИИ! – взревел, хватаясь за спинку кресла.

– Уже нашли!

– Говори где? Я выезжаю! Чтоб с места не сдвинулась. Стеречь, как сторожевым псам, до моего приезда!

– Она… она мертва, Захар Аркадьевич.

– Что?

Что он несет, этот идиот? А дышать уже нечем, и пальцы раздирают воротник рубашки, царапают горло.

– Она сбежала на такси… они зачем-то остановились у обочины, и в них врезалась фура или грузовик. Произошел взрыв… найдены изуродованные тела водителя и его попутчицы.

– Это… это не она!

– Она… мы проверили.

Я хрипел, давил свое горло пальцами и слышал лишь сиплый стон, который вырывался из обожженного горла. Ни слова не мог сказать. В эту самую секунду вошел Костя, он забрал у меня сотовый. А я стоял и отрицательно качал головой, глядя в одну точку и пытаясь сделать хоть один вздох. И не мог. Сам не понял, как опустился на колени, опираясь на ладони и срывая пуговицы с воротника. Костя присел передо мной на корточки, протягивая стакан воды, но я смел его к такой-то матери.

– Ложь, – скрипучим голосом, – жива она.

Тот отрицательно покачал головой, а мне кажется, у меня в глазах все лопается и склеры затекают кровью.

– Там видео. Ее было легко опознать… Уже произвели вскрытие. Девушка лет восемнадцати на ранних сроках беременности. Никакой ошибки.

Я уткнулся головой в пол и услышал странный звук, он нарастал, и я не знал, откуда он взялся, но от него стыла кровь в жилах и мертвело все тело… я даже не понимал, что этот звук издаю я сам. Этот вой, страшный рев, от которого дрожат стекла в кабинете.

– Кто, – я поперхнулся собственным голосом и со свистом втянул воздух, – раз-ре-шал вс-кры-вать? Кто?

Рывком поднялся с пола и бросился к Косте, схватил за шкирку и впечатал в стену:

– КТО, МАТЬ ТВОЮ, ДАВАЛ ИМ РАЗРЕШЕНИЕ ВСКРЫВАТЬ? ЛОЖЬ ВСЕ ЭТО! ЛОООЖЬ!

Тут же разжал руки. Они так дрожат, что я их даже опустить не могу. Мозг ничего не соображает.

– Поехали! Видеть ее хочу!

– Я спрашивал… там видеть особо нечего… Головы нет. Разнесло на ошметки, руки и… ноги… Там… кусок тела, фрагменты одежды… обрывки ее документов в

кармане кофты.

Я его не слышал, он говорил о чем-то постороннем.

– Надо поехать и забрать ее оттуда. Она ненавидит больницы. Она не хотела в больницу. Позвони им и скажи, чтоб не приближались к ней и не трогали, пока я не приеду. Понял?

Константин, бледный как смерть, кивнул… смерть! Не хочу слышать это слово. Думать его не хочу!

* * *

Я никогда не представлял себе, что значит боль. Что значит ощущать себя ею. И перестать быть собой. Они вначале показали мне съемки видеокамеры из кабинета врача, где моя девочка со скальпелем в руках прижалась к стене и не подпускала к себе никого. Такая отчаянная, со сверкающими глазами, вызывающая восхищение и злость… злость, что мешает спасать ее от меня. Мешает дать ей шанс. Глупая рыжая лисичка. Глаза дерет. Мозг отказывается принимать что-либо кроме ее изображения на экране, и сам не понимаю, как тяну руку и глажу трясущимися пальцами экран.

Потом она в коридоре с медсестрой. Я вижу красную кофту под халатом, капюшон. Она кровавым пятном мелькает и контрастирует с белым. ЕЕ трудно не заметить.

И дальше съемки с места аварии… Камера скользит по обугленным стволам деревьев, мимо обломков покорёженного железа в траву… где виднеется мокасин. И я на секунду чувствую, как боль ослепительной вспышкой пронизала все тело, парализуя его, пронизывая нервные окончания такой дикой агонией, что я с трудом держусь, чтобы не заорать. Я помню эти мокасины. Она купила их там… там, где мы были вместе целый месяц. Купила и показывала мне, а я смеялся и говорил, что такие носят только малолетки.

«– Я и есть малолетка, господин Барский! А вы – старый дед!

– За деда придется жестоко расплачиваться!

– Мммм, и как же?

– Оооо, ты испугаешься, когда узнаешь!»

Камера ползет дальше и выхватывает… меня швыряет в пот, и я вскакиваю со своего места с рыком, с таким рыком, что, мне кажется, разорвало горло, а перед глазами окровавленные голые ноги, точнее, то, что от них осталось, и кофта… та самая красная кофта. Я там сдох. Не потом, спустя время, а именно там в той комнате с экраном компьютера. Я разбил его вдребезги.

– Чтоб… чтоб этой больницы больше не было. Не… не существовало. Понял? – схватил Костю за горло. – Камня на камне чтоб здесь не оставил. Ровную землю хочу на этом месте.

Он кивает, а я шатаюсь и ничего перед собой не вижу, хватаюсь за стены, а они уходят и кружатся.

– Отведи в морг.

– Там…

– Отведи. Там холодно. Я хочу, чтоб ее укрыли. Она не любит холод. Она всегда мерзнет. Она ведь такая худенькая и маленькая.

Моя девочка не любит, когда ей холодно, она тепло любит, море любит. Я знаю. Она рассказывала мне… Рассказывала, что никогда его не видела, а я обещал, что увидит. Все моря на этой планете.

* * *

Я никого не пустил на кладбище. Ни одну живую душу. Мне было насрать на журналистов, на чье-то мнение. Я хотел остаться с ней наедине. Я задолжал ей это одиночество, когда мы с ней вместе и никто, ни одна живая душа не мешает мне. Да, я позволил себе любить ее в тот момент совсем не как дочь. Я позволил себе гнить от тоски и разложиться живьем.

Я думал, что не смогу ненавидеть себя больше, чем в тот момент, когда узнал, что нас с ней связывает далеко не только взаимное влечение. Но я ошибался. Я чертовски ошибался, моя Лисичка. Потому что никогда не испытывал той ненависти, которую я чувствовал сейчас каждой клеткой. Ненависть к себе. И ярость. Ярость на себя. Я должен был увезти ее. Увезти как можно дальше и позволить там наверху решать… Не сам.

Стоя в сырой земле на коленях, без единого венка, только букет… такой, как подарил ей тогда, в огромной корзине, и ее кошка. У подножия таблички. Дождь хлещет сплошной стеной, и я утопаю в грязи, поглаживая дрожащими пальцами имя, выбитое на железе.

Думая о том, что я должен найти того, кто это сделал с ней… найти того ублюдка, который устроил этот побег. Медсестра, которая вывела Есению из больницы, была найдена в подсобном помещении с пеной у рта и шприцом в вене.

Я приказал проверить, какие фуры и грузовики ездили в том направлении в этот промежуток времени. Найду тварь… а потом. Потом клянусь, что приду к тебе, девочка. Ты не будешь там одна. Клянусь!

Это единственное, что держало меня и не давало сорваться за эти пару дней подготовки к похоронам.

Я лежал там в грязи с закрытыми глазами мокрый насквозь и вспоминал все с первой секунды, как увидел ее, и до самой последней и… проклинал себя за то, что убил ее. Это я. Моя вина. Я тронул это нежное и чистое своими вонючими лапами.

– Прости меня, Лисичка… прости за все. Прости, моя маленькая, – шептал и сжимал табличку мокрыми, грязными руками.

Охрана не смела приблизиться и на миллиметр, только следили, чтоб ни один папарацци не пробрался на кладбище.

– Захар Аркадьевич… вам звонят. Это важно. Провели эксгумацию.

Голос взорвал мои воспоминания раздражением. Я приподнялся и сел, глядя перед собой и протягивая руку за сотовым. Поднес к уху.

– Да, я слушаю.

– Захар Аркадьевич, как вы и приказали, мы получили разрешение на эксгумацию. Все эти дни не могли до вас дозвониться. В могиле Назаровых, как вы и предполагали, оказались останки двух взрослых и ребенка.

Я кивнул сам себе. Конечно. Я их лично хоронил. Можно было и не трогать. Но это закрутилось еще тогда… до всего. Я хотел узнать, кто там похоронен… что за ребенок. Ведь могла быть ошибка после такой авиакатастрофы. Я искал тогда причину вышвырнуть Есению из своей жизни. А пока ждали документы, пока все улаживалось, она ею стала сама… моей жизнью. Сейчас все эти проверки уже не имели никакого значения.

– Мы провели экспертизу и… тело мужчины, как и записано, принадлежит Назарову Сергею, тело женщины – Назаровой Людмиле. А девочка… был произведен полнейший анализ. Она… не является дочерью Сергея Назарова. Это ваша дочь. Там… там была похоронена ваша дочь.

Я стиснул сотовый обеими руками, но не смог произнести ни слова.

– Точность данного анализа составляет 99,9 процента. Ошибки быть не может… Что нам делать с телами? Захар Аркадьевич, вы меня слышите?

Я не слышал, я слышал только, как у меня в голове один за другим лопаются сосуды, как обрываются куски кожи и мяса, как ребра впиваются в остановившееся сердце и рвут его на куски. Наверное, именно это там происходит, потому что меня от боли шатает на ровном месте. И я ору. Я не понимаю, как оглушительно громко я ору, закрыв уши руками. Ору так, что, мне кажется, трещат мои челюсти и горло наполняется кровью.

Три!.. Всего лишь узнать на три дня раньше!

Глава 6

Устинья Ильинична по травы и ягоды выходила всегда с самого раннего утра. Едва рассвет занимается бруснично-малиновым всполохом, между небом и землей полоска вспыхивает, так она глаза и открывает. Не спится ей. С возрастом каждая минута дорога. Кажется, сколько той жизни осталось и ее проспать можно. Раньше петухов всегда встает. Дед ее вечно ворчал, что ходит, половицами скрипит, спать не дает. Ей и сейчас иногда кажется, что ворчание его слышно, только оно у ней в голове теперь живет, как и голос его, и запах, и взгляд из-под косматых бровей, всегда с любовью на нее направленный. Да и как ему не звучать, если вместе всю жизнь прожили. Не уберегла Ильинична мужа своего, помер, пока ее не было, пока в соседней деревне у Марфыной дочки-потаскушки роды принимала. Пятые по счету от еще одного хахаля городского. Нагуляет, рожать от срама подальше в деревню приедет и снова в город скачет. А приблудных своих матери оставляет. И та ничего сказать не может. Кормит и воспитывает.

В ту ночь так ее домой тянуло, так тянуло, что даже в грозу обратно к себе пошла, в ливень. Но не успела. Прибрал Господь ее Гришку. Знал, видать, что пока Устинья рядом, не отдаст его, силой удерживать будет. А она, сила та, в ней имелась. Не такая, может, как у бабки Агафены, но и не слабая. Хотя бабка перед смертью сказала, что сильна Устинья и сила эта добра ей не принесет.

Девки все в деревне говорили, что приворожила она Гришку, морока своего навела. А она и не думала. Замуж идти не хотела. Саму проклинали с юности, боялась, что и детей проклянут. Но детей у них так и не случилось. Беременела и погибали они. То не вынашивала, а то и в самом начале все срывалось. Гришка все успокаивал ее, жалел. Потом кота ей принес в утешение. Теперь у Устиньи этих котов полон дом. Все ее дети. В город муж тянул, когда поженились, а она не шла. Образование у нее – школа сельская. В город учиться так и не поехала. Бабка болела все время. За ней уход нужен был.

И что ей теперь в том городе делать? Она только травками лечить умеет, роды принимать, как бабка в свое время учила, и гадает, от сглаза обереги мастерит. Тем и живет. А Гришка плотничал. Хотел в городе обустроиться, но она не поехала, и он тоже остался. Свой двор, свое небольшое хозяйство. Жилось им не плохо и не хорошо. Как всем жилось. Не жаловались.

Гриши не стало, и тоска на Устинью навалилась. Жизнь стала унылой, бесцветной. Пожалела, что дите не взяла с детдома, когда помоложе была. Не

так горестно и одиноко было б теперь. Какое-то время даже впроголодь жить пришлось, пока мода на естественную медицину и роды не вернулась в народ, и повалили паломники по деревенькам лекарей и целителей искать. Рожать в поле и в кустах, пить травки-муравки. Только настоящих целителей единицы, и те свой дар не афишируют и денег за него не берут. Кто что даст – тому и рады, а не даст – и на том спасибо. В другом месте зачтется.

Кто к Устинье только не приезжал, и маститые всякие, и преступники, и потаскухи да праведницы на аборт бегали. Чтоб не узнал никто. От последнего она всегда отказывалась. И дело не в грехе на душу, какого греха она только на нее не брала, а в том, что не ей решать – кому умирать. И абортниц не любила. Неприятно ей было женщины касаться, что дитя свое решила умертвить. Не видела Устинья разницы между рожденным младенцем и тем, что во чреве матери сидит еще крохотный совсем, невидимый взгляду, а сердце уже бьется и душа имеется. И сама мать это чудо из себя выскабливает, выдирает. Детоубийцы омерзительны, как и те, что детей насильничают. И не важно сколько тому ребенку – шесть недель от зачатия или месяц, или пять лет от роду. Абортниц Устинья не брала. Пунктик у нее такой был. Отправляла их на хутор к Владлене, сестре своей двоюродной. Та ничем не брезговала. Лишь бы денег давали и побольше. Величала себя Провидицей Владленой и Великой целительницей. А на самом деле даже не ведьма. В медицинском училище отучилась, потом у бабки уму разуму и травам, но дар не получила. Дар достался Устинье.

Устинья жизнь сохранить пыталась. Боролась со смертью. Нравилось ей в поединок вступать и побеждать. А вот дары костлявой приятельнице приносить не любила. Если и случалось, что не справлялась, то всегда болела потом. Свое поражение лично переживала и очень тяжело. Григорий ругался всегда, что ее целительство когда-нибудь ее саму и погубит. Но она знала, что нескоро ей еще. Много дел впереди… а вот он ушел.

Утро выдалось холодным, с росой по колено. Сырость после дождя до костей пробирает. Но Устинья никогда свои планы не меняла. Встала, курей покормила, корову подоила и в лесополосу по ягоды и по коренья пошла. Любила она утро любое. Хоть летом, хоть зимой. Утром природа возрождается, ото сна встает. Каждый звук слышно, и нежность в воздухе трепещет. Вроде и город недалеко, а воздух другой совсем.

Палка в траве утопает, шороху наводит, а Устинья буквально слышит, как насекомые в разные стороны расползаются. Наклонилась, чтоб цветов срезать, и увидела, как вдалеке белеет что-то. Вроде как лежит кто-то у осины.

Не любила она находки такие. Мороз сразу по коже прошел. Пару раз натыкалась за свою жизнь, и осадок всегда оставался. На помощь не звала, обходила тело и шла своей дорогой. Если помочь не могла. Вот и сейчас прислушалась сама к себе… мертвецов всегда ощущала неприятным холодком по телу, словно они его ей передавали на расстоянии. Но холода не было, а вот кровь внутри забурлила… дар просыпаться начал, значит, чует, что есть в нем надобность. Устинья шагу прибавила и охнула, когда в траве девушку нашла. Совсем еще юная, худая, одежда мокрая, волосы в грязи, в траве на лицо налипли, дрожит и глаза не открывает.

Устинья наклонилась к ней и за плечо тронула, а та тут же подскочила, глаза распахнула. Они лихорадочно блестят.

– Не прикасайтесь! Не троньте! Не дам ребенка убить! Мой он! Мооооой!

Бредит, похоже. Щеки красные. Знахарка лба коснулась и руку отняла – горит вся. Ладонь опустила вниз к животу, и та сразу согрелась. Значит, вот где ребенок. Забирать ее отсюда надо. Мало ли кто найти может.

– Вставай, деточка, вставай, милая. Нельзя тебе тут лежать, если ребенка сохранить хочешь.

Глаза девчонки шире открылись, взгляд более осмысленным стал, она в руку Устиньи вцепилась.

– Помогите… ищут меня. Найдут – ребенка моего достанут насильно!

– Не достанут! И не найдут!

Помогла девушке подняться, на плечи ей свою кофту и платок накинула и медленно в сторону деревни пошли.

Потом Устинья долго удивлялась, откуда у несчастной силы взялись идти, откуда ресурсы истощенный организм брал. Уже к вечеру в лихорадке билась, испариной покрылась вся, кашель дикий напал. И расспросить ни о чем нельзя. Но нутром своим чуяла, что девочка от больших неприятностей убежала, и эти неприятности могли следом за ней по пятам идти. Но выгнать или выбросить за дверь не могла. Устинье почему-то казалось, что если б много лет назад ее недоношенная малышка выжила, то была бы похожа на эту девочку. Такая же рыжая, как Гришка ее.

Знахарка примерно сроки беременности определила, на глаз, да по опыту. Живот ощупала. Плохи дела – при жаре таком может не выжить младенец. Тут бы еще и мать выжила, видать, сутки там пролежала в кустах тех. Кожные покровы бледные, веки белые. Малокровие у нее. Еще и обезвоживание. Конечно, тут бы врача настоящего с сильными препаратами, но… девчонка ее молила никому не говорить. Трясло ее всю в ужасе. За ребенка боялась. Потом опять в беспамятство впадала. Поразительно как. Вот недавно женщина к Устинье приехала вся из себя, кольца на пальцах сверкают, среди них обручальное, машина ненашенская, сотовый аппарат пальцами наманикюренными сжимает.

Приехала избавляться от ребенка. Карьера у нее, будущее, фигура. В больницу не хочет, узнают все. А так тут по-тихому. И срок приличный уже дите вот-вот толкаться начнет. Отправила ее к Владлене. А после нее еще одна пришла, тоже все благополучно, уже одно дите есть, второе не ко двору пришлось. Муж хочет, а она нет. Тяжело ей с двумя справляться, да и просто отдохнуть охота, поспать, своей жизнью жить. Куда ей еще одного, роды тяжелые…

«А когда перед мужем ноги в стороны раскидывала, не думала об этом. Времена чай не дикие. Есть чем предохраняться. Ты в достатке живешь, муж работает, мать жива, братья-сестры есть, зачем дите убивать?».

Женщина плечами пожала и сказала «потом еще себе рожу». Устинья ухмыльнулась: «Не родишь ты больше! Захочешь, а не родишь!». Бывало, и такое сгоряча запускала во Вселенную. Потом каялась, но слово ведьмы обратно не вернешь. Иногда такую силу недобрую слова имели, что и болезнью на другого ребенка перекидывались. Прибежала та потом к ней, та, что еще себе родить собиралась, с дочкой при смерти. Спасти умоляла. Устинья пыталась и делала что могла… но не вышло. Кара небесная она такая. Жестокая и безжалостная. Одно дите та своими руками уничтожила, а второе само ее

покинуло.

«Как же мне жить? Ради кого?»

Теперь плечами пожимала сама Устинья…

А тут девочка совсем юная, ничего за душой нет, гонится за ней кто-то, а она малыша своего защищает, бережет. «Мой» кричит. И если не спасет Устинья дите, то девчонка и сама может от тоски помереть. Несколько раз Лукреция, черная и пушистая кошка, пыталась на кровать запрыгнуть, но Устинья ее сгоняла.

– Кыш отседова! Поборемся еще. Нечего тут выпроваживать. Давай. Делом займись. В чулане мышь завелась, иди ее излови. А тут не сиди.

Кошка кругами походила, но все же ушла. Устинья давно заметила, если Лукреция рядом с больным садится, то тому недолго осталось. Она словно в иной мир его выпроваживает. Обычно знахарка не мешала, позволяла кошке делать свое дело. Но не в этот раз… в этот у нее была уверенность, что получится, что удастся вытащить девочку из лап болезни.

Каждые несколько часов знахарка руки к животу больной прикладывала, чтобы ощутить – идет ли оттуда тепло или остывает там все. Но тепло не угасало, несмотря на тяжелое состояние матери, которая металась в бреду, кусая губы и кашляла так, что казалось, все внутренности выплюнет. Устинья ее водкой разотрет, платками обмотает и сиропом отпаивает, чаи заваривает с кореньями. Руками над телом водит, над головой, произносит заклинания. Отдает свою энергию. Вроде легче девочке становится, не так лихорадит, а к утру жар впервые начал сам спадать, и знахарка с облегчением выдохнула. По волосам рыжим ладонью провела, погладила, со лба испарину вытерла и тихо сказала:

– Ничего, моя хорошая, еще денечек отпотеешь, и лучше станет. Вытянет с тебя баба Устинья дрянь эту, и не с таким боролась.

В эту минуту рыжий Тимофей мягко запрыгнул на кровать к больной и свернулся калачиком в ногах девушки.

– Ну вот и все… отогнали мы от тебя Костлявую. Тимоша рядом лег, а если лег, то завтра глаза откроешь. Правильно, Тимыч, своих, рыжих, охранять надо.

Устинья не ошиблась, Рыжая быстро на поправку пошла. Словно организм какой-то толчок получил и начал с хворью воевать. Смертельно сопротивляться ей. В себя, правда, не приходила еще целые сутки, а когда глаза открыла и на Устинью посмотрела озерами полными отчаяния, у той сердце в камень сжалось. И какая-то ж мразь посмела обидеть, как рука поднялась только.

– С возвращением! – громко сказала Устинья и бульон горячий к потрескавшимся губам поднесла.

А девчонка тут же на постели подскочила и живот руками обхватила, глаза свои бирюзовые округлила и как закричит:

– Ребенок мооооой!

– Тшшш! Все хорошо. Не кричи. Там твой ребенок. В животе твоем сидит и есть хочет. Корми давай. А то совсем голодом заморила. Мог бы, сказал бы тебе пару ласковых.

Девчонка кружку тут же забрала с куском хлеба и жадно начала уплетать. То ли от голода, то ли из-за ребенка. Но аппетит ее знахарке понравился. Она стул придвинула и рядом у кровати села.

– Звать тебя как? Родители, небось, с ног сбились. Может, передать им, что жива ты?

Она отрицательно головой качает, проглотила хлеб.

– Нет у меня никого… И имени нет. С ног только нелюди сбились, пока меня искали. Больше некому искать.

– Как же имени нет… А я документы нашла. Вроде там написано, что Таней звать.

– Раз написано, значит так и есть. Пусть будет Таня.

А она вовсе не беззащитная, как показалось. Сильная, гордая и все эмоции в себе держит. Не Татьяной ее зовут. Не ее это имя. И документы тоже не ее. Устинья ощущает, что совсем другое имя у девочки.

С этой секунды гостья за свое здоровье сражалась изо всех сил, все, что баба Устя говорила, все делала. На ноги встала уже через несколько дней. Забавная, пыталась с котами подружиться, а коты у знахарки особенные. У каждого своя история о человеческой жестокости, у каждого своя боль. И никто людям особо не доверяет. Устинья их не трогала, всегда ждала, когда сами подойдут ластиться или на колени запрыгнут. Никто из ее гостей (так она называла тех, кто лечиться приезжал) котов не трогал. То ли люди такие попадались, то ли коты держались подальше. А эта в первый же день сцапала Лукрецию. Нашла кого сцапать. Притом просто подошла, пока та на подоконнике сидела, и на руки взяла. Устинья хотела крикнуть, чтоб бросила – эта ведьма может и глаза выцарапать, но не пришлось. Черная мохнатая предательница ткнулась мордой в руки Рыжей гостьи и начала тереться о ее пальцы. Про Тимыча Устинья вообще молчала – этот подлец переселился к девчонке и спал теперь у нее в ногах. Животных не обманешь. Они хорошего человека за версту чуют.

Когда совсем болезнь прошла, гостья начала собираться уходить, только баба Устя знала, что не к кому ей идти. Та, как вещи сложила, а вещей и нет совсем. Только то, что Устинья для нее нашла. От гостей пооставалось. Кое-что перешила, подогнала под тонюсенькую фигурку Рыжей. Документы и деньги в пакет сложила и к груди прижала. И то там тех денег не на что особо и не хватило бы. Знахарка недолго думала, посмотрела, как Тимыч жалобно мяукает, а Лукреция у двери улеглась, словно дорогу перекрыла, и сама тоже решение приняла.

– Оставайся. Места в хате хватит. Еще одна тарелка супа найдется всегда. И не скучно мне будет, не так тоскливо. Я за тобой присмотрю, а ты за мной.

Девушка у двери стоит и смотрит на знахарку так, словно впервые увидела. Словно не верит ей совсем. Словно добра в жизни никогда не встречала.

– Не могу. Если искать меня будут… к тебе придут, баба Устя. Соседки скажут, гостья у тебя. Это страшные люди. Не хочу подставлять.

– Не придет никто. Не ищут тебя. Я узнавала. Если б искали, уже б нашли. Оплакивают тебя, а не ищут. Схоронили, видать. Так что оставайся. Соседкам скажу – племянница моя. Родственница покойного мужа. Он такой же рыжий, как ты, был.

И она осталась, а в жизни Устиньи вдруг все переменилось. Все иными красками заиграло. Как когда-то, когда муж еще жив был. И девчонка теплая такая, мягкая, лучи солнца от нее исходят. Колючая, как еж, а в тоже время любви в ней нерастраченной океаны целые. Только в душе ран много. Свежие они, кровоточащие. Она их оберегает и тронуть не дает. Там раны Устинья лечить не умела, только не трогать и не бередить. Вопросы не задавать. А так бы, если б могла, зашила б и залатала дыры на сердце, бальзаму наложила, перевязала. Сама не заметила, когда прикипеть к Рыжей успела.

Девчонка только по ночам кричала, живот руками закрывала, а иногда по имени мужчину звала. Стонала и плакала. Просила о чем-то. Утром, правда, молчит, не рассказывает ничего, и знахарка не спрашивает.

– Если сны дурные беспокоят – расскажи, не держи в себе, легче станет. И растолковать могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

КТР – Копчико-теменной размер плода (прим автора).

2

ЧСС – Частота сердечных сокращений плода (прим автора).

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/nichey-ee-monstr

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить